

Е. В. Шемякина

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ДИСЦИПЛИНА ТЕЛА»

Анализируется понятие дисциплины тела, предложенное М. Фуко, а также рассматривается использование практик дисциплинирования тела на материале истории различных веков. Акцентируется внимание на созидательной стороне этих практик, которые могут быть использованы как средство формирования габитуса свободной, развитой нравственно личности.

Ключевые слова: дисциплина тела, жест, власть, этос, габитус, личность.

E. Shemyakina

A Philosophical Analysis of the Term «Body Discipline»

The article presents an analysis of the term of the body discipline introduced by Michel Foucault and regards various practices of body disciplining. The creative aspect of such practices is emphasized and it is suggested that they could be used for developing habitus of a free and moral personality.

Keywords: body discipline, gesture, power, ethos, habitus, personality.

Благодаря работам Фуко в философский дискурс вошло понятие дисциплины тела как механизма внедрения и упрочнения власти. Данная статья посвящена философскому анализу понятия дисциплины тела, предложенного в работах Фуко, а также рассмотрению позитивных сторон практик дисциплинирования тела, которые остались за пределами исследования французского философа.

В работе «Надзирать и наказывать» Фуко показывает, что тело в любом обществе проходит через дисциплины послушания, манипуляции, формирования, благодаря которым специфические жесты, выражающие претензии и ценности существующей власти, проникают в тело, становятся естественными для него и повторяются автома-

тически. Это и есть дисциплина тела, или, иначе говоря, «микрофизика» власти: власть воспроизводит себя за счет внедрения в тела подчиненных.

По мысли Фуко, стратегия дисциплинирования тела со времени начала классической эпохи осознается как очень эффективная и в экономическом, и в политическом смысле. В экономическом — так как с помощью дисциплины тела достигается наибольшая производительность: силы и способности тела используются максимально полно. В политическом — так как эта стратегия позволяет осуществлять проникновение власти на мельчайшие уровни: в повседневность, в быт, в производство, в обучение, на которых власть упрочивает себя и надзирает за людьми, оставаясь при этом

незамеченной. Именно на основании этой незаметности, этого воздействия власти на мельчайшем уровне, Фуко называет дисциплину тела «микрофизикой» власти (или «клеточной» властью). Микрофизика власти «позволяет дисциплинарной власти быть одновременно чрезвычайно нескромной, поскольку она повсюду и всегда начеку, поскольку в силу самого своего принципа она не оставляет ни малейшей теневой зоны и постоянно надзирает за теми самыми индивидами, на которых возложена функция надзора, — и крайне “скромной”, поскольку она действует постоянно и главным образом безмолвно» [6, с. 259].

И, что особенно важно, власть с помощью дисциплины тела конституирует самого индивида, создает его в соответствии со своими потребностями. Индивид, на которого направлена власть, — это не просто индивид, онтологически независимый от этой власти и случайно оказавшийся под ее бременем, но производная власти, ее продукт. Его онтология конституируется властью. Фуко пишет: «Индивид ... есть реальность, созданная специфической технологией власти, которую я назвал “дисциплиной” (*дисциплиной тела*. — *Е. Ш.*)» [6, с. 284].

Власть — это творческое отношение, она создает знание, представления и ценности, самого индивида и всю социальную реальность: «Надо раз и навсегда перестать описывать проявления власти в отрицательных терминах: она, мол, “исключает”, “подавляет”, “цензурирует”, “извлекает”, “маскирует”, “скрывает”. На самом деле, власть производит. Она производит реальность; она производит области объектов и ритуалы истины. Индивид и знание, которое можно получить об индивиде, принадлежат к ее продукции» [6, с. 284]. Власть — это не привилегия, не онтологическая характеристика и не свойство, но постоянно возобновляемое отношение, которое зиждется на стратегии, на технике влияния, и среди них особенно — на дисциплине тела. Именно через тело, через жесты подчиненных власть кон-

ституирует социальную реальность: как индивидов, так и отношения между ними. Жесты проникают во все сферы социальной жизни, и через них повсюду проникает действие власти.

Благодаря дисциплине тела возможно достижение такой системы контроля, которая уподобляет общество идеально работающему механизму. Жесты одних (наставников, надзирателей, мастеров) порождают ответные жесты других (учеников, осужденных), приказ прочитывается мгновенно. Если выражение приказов, поощрений и недовольства на словах допускает некоторое замедление, связанное с усвоением смысла вербальной речи и тона, который ей сопутствовал, то жесты делают коммуникацию максимально простой, понятной и потому удобной и выгодной с точки зрения управления. «Приказ не надо ни объяснять, ни даже формулировать: достаточно того, чтобы он вызывал требуемое поведение. Ответственный за дисциплину сообщается с тем, кто ей подчиняется, посредством сигнализации: не надо понимать приказ, надо воспринимать сигнал и немедленно на него реагировать. <...> Дисциплинированный солдат “начинает повиноваться всему, что бы ни приказали; его повиновение быстро и слепо; тень непослушания, малейшая задержка были бы преступлением”. Муштра школьников должна производиться так же: мало слов, никаких объяснений, полная тишина, прерываемая лишь сигналами» [6, с. 243].

Фуко приводит множество примеров дисциплинирования тела из истории XVII–XVIII веков. Мы же обратимся к более современной истории, к XX веку. Так, в Германии времен национал-социализма дисциплина тела была доведена до совершенства. Это особенно ярко проявилось в знаменитых нацистских маршах и парадах.

Частое проведение рабочих маршей и военных парадов было одной из существенных черт социальной жизни Германии эпохи национал-социализма. Проведение воен-

ных маршей и парадов — это отличный способ тренировки тел подчиненных: они требуют выправки, силовой подготовки, напряженности и собранности тела, его готовности выполнять конкретные приказы. Это формирование послушного тела и одновременно милитаризация его. Тело марширующего уподобляется точно работающему механизму, обнаруживающему свою мощь перед тем, как она будет направлена на то дело, ради которого воспитывалась. Кроме того, тела марширующих становятся частью единой гигантской машины, все составляющие которой подобны друг другу и являются друг для друга опорой и границей. Маршируя внутри колонны, невозможно ни покинуть ее, ни игнорировать ритм и движения окружающих. И в то время, пока участник парада или марша через «вписанность» своего тела в марширующую колонну начинает осознавать себя маленькой частью отлаженного механизма, зрители переживают восторг и благоговейных страх перед слаженностью и силой армии. Военные парады призваны демонстрировать военную мощь нации и тем самым усиливать ее волю и веру в себя, а также вызывать страх и осторожное отношение со стороны других наций. Неслучайно идеологические парады распространены по большей части в странах тоталитарного режима: в Иране, Китае, Северной Корее, в прошлом — в странах социалистического блока.

Марши воспитывают в людях особые отношения со своим телом: тело проходит дрессировку, становится сильным, сноровистым, послушным, но при этом имеет четкий диапазон возможных жестов. Марширующее тело не свободно, напротив, оно полностью детерминировано во всех своих жестах, подчинено принятой манере движения. Это сказывается и на сознании людей: человек, зажатый в своем теле, не способный свободно двигаться, не может чувствовать себя свободным, быть независимым в своих мыслях и действиях: «именно свобода движения лежит в основе всех более аб-

страктных представлений о свободе» [5, с. 59]. Политическая система национал-социализма нуждалась именно в таких людях: дисциплинированных, готовых к исполнению воли вышестоящих, не способных мыслить критически.

В древней истории также можно найти примеры дисциплинирования тела, хотя и в несколько ином виде. Так, для общественной жизни Древней Греции было характерно пожизненное танцевальное ученичество: «Танцевали в Греции все — сверху донизу, от крестьянина до Сократа. И все скольконибудь образованные люди танцевали грамотно, так как танцы не только входили в число обязательных дисциплин, но им охотно продолжали обучаться и взрослые люди» [1, с. 57].

Вообще говоря, танец и маршировка в строю — два едва ли не противоположных способа воспитания тела. Если последняя, хотя и предполагает сильное сноровистое тело, оставляет его зажатым, подготовленным к исполнению строго ограниченного репертуара жестов, то танец, напротив, освобождает тело, увеличивает возможный диапазон жестов, стилей движения. Хореографическая подготовка тем и отличается от занятий спортом и физической культурой, что должна наряду с физическими характеристиками тела — гибкостью, растяжкой, силой, координацией — развивать выразительные возможности тела, освобождать его от зажимов, подготавливать для восприятия самой различной пластики. Свобода движения в танце изгоняет страх, подавленность, приносит радость и веру в себя. В этом отношении танец сходен с игрой: «Танец есть сама игра, более того, представляет собой одну из самых чистых и совершенных форм игры» [7, с. 186].

Однако в Древней Греции танец, так же как в нацистской Германии военные парады и марши, служил способом дисциплинирования тела и через это — влияния на социальный характер граждан. Такое использо-

вание танца находилось в рамках свойственного Древней Греции представления о воздействии мелоса на этос. Е. В. Герцман пишет, что Дамон Афинский — выдающийся музыкальный педагог, у которого учился музыке Сократ, «особенно большое значение... придавал воздействию музыки и танцевального искусства на формирование характера» [3, с. 23–24]. Занятия танцами служили тому, чтобы через воспитание гармоничного, эстетически совершенного жеста исключить те телодвижения, которые выражают или провоцируют низменность духа. Благодаря танцу тела граждан оформлялись в общественно-приемлемые жесты, а через это происходило формирование гражданского этоса.

Весьма показательно содержание античных гражданских танцев: они были лишены эротичности, представляли собой хороводы с ритмическим шагом и возвышенно-широкими движениями рук. Это были политические (по своему предназначению и содержанию) танцы. Все позы и движения должны были своей строгой красотой возвышать душу, а сама пляска — приводить общество к гармонии, к согласию.

Танец в Древней Греции, таким образом, рассматривался как средство формирования в личности тех качеств, которые манифестировались как необходимые для свободного гражданина полиса: благородства, мужества, способности приходить к согласию с другими людьми.

Еще один пример использования танцев в качестве дисциплинирования тела мы можем видеть в придворном обществе эпохи Возрождения: «...в XVII веке, если не раньше, танцы входили в число обязательных образовательных дисциплин во многих итальянских учебных заведениях для дворян. Это был праздничный способ вкоренения дисциплины в тело» [8, с. 76]. Благодаря им формируется та самая «цивилизованность», самоконтроль, понимаемый как, прежде всего, контроль над жестами и над всеми телесными проявлениями, которые являют-

ся нормой, габитусом представителей высшего сословия.

Последний пример позволяет нам говорить о том, что дисциплина тела не является ни сугубо политическим, ни сугубо негативным (подавляющим, репрессивным), как ее обычно понимают вслед за Фуко, феноменом. Она может существовать и существует и как социальное, и как педагогическое средство, позволяющее отделить один класс от других и позволяющее на уровне обыденном, на уровне телесного поведения транслировать ценности от одного поколения к другому. Будучи сама по себе всего лишь средством, она может использоваться в созидательных целях, в частности, для воспитания свободной, развитой нравственно личности.

Множество примеров тому дает нам история русского дворянства. Здесь воспитание благородного, достойного, уважающего других и себя человека происходило во многом именно через воспитание тела. Не случайно выражения «держат осанку», «расправить плечи», «поднять голову» приняты в русском языке метафорический смысл. Именно телесное поведение, жесты, манеры помогали сохранять и возвещать достоинство человека в ситуациях унижения и насилия. Так, бывший дворянин О. В. Волков писал в своих воспоминаниях о заключении в соловецком лагере: «В погожий летний день тут настоящее светское гулянье: прохаживаются и сидят люди с отличными манерами. Они учтиво друг с другом раскланиваются, благовоспитанно разговаривают вполголоса, нередко вставляя французские слова. Если случится пройти тут даме из женбарака, знакомые очень изысканно целуют ей руку. У большинства этих светских людей вид потрепанный и болезненный, на них одежда, обтершаяся на тюремных нарах, но держатся они чопорно и даже надменно. Это — защитная реакция упраздненных, попытка как-то удержаться на краю засасывающей лагерной трясины, предохранить что-то свое от

размывания мутной волной обстановки, прививающей подлую рабскую психологию. Хлипкая внешняя преграда...» [2, с. 67].

Дисциплина тела, таким образом, может иметь позитивное, созидательное измерение, которое, на наш взгляд, становится особенно актуальным в современную эпоху, когда перед Россией стоит задача не только становления новой государственности, но и формирования новой ментальности: «Оказывается, что задача стоит по-старому: нам нужны не только и даже не столько новые законы, сколько нам нужен новый человек. Однако речь идет не о человеке новой сознательности, как его мыслили идеологи

коммунизма, а о человеке новой телесности, нового образа жизни, иных навыков действия и иных социальных повадок» [4, с. 83]. Воспитание хороших манер, имеющее прекрасный образец в истории русского дворянства XIX — начала XX века, является очень важной составляющей воспитания, через которую формируется достоинство, нравственные ценности, происходит образование *лица*, личности — как отдельного человека, так и всего народа. Вследствие этого представляется вполне закономерным и оправданным включение этикета, хороших манер в число обязательных дисциплин в учебных заведениях среднего и высшего профессионального образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блок Л. Д. Классический танец. История и современность. М.: Искусство, 1987. 382 с.
2. Волков О. В. Погружение во тьму. М.: Молодая гвардия, 1989. 460 с.
3. Герцман Е. В. Античная музыкальная педагогика: Учеб. пособ. СПб.: СПбГУП, 1996. 96 с.
4. Краснухина Е. К. Телесные формы истории // Архетипы телесности (российский и западный контексты). СПб.: Изд-во РХГА, 2014. С. 80–87.
5. Луговая Е. К. Философия танца. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 131 с.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999. 480 с.
7. Хейзинга Й. Homo ludens: В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. 459 с.
8. Burke P. The language of gesture in early modern Italy // A cultural history of gesture. From Antiquity to the present day. Polity press, Oxford, 1991. P. 71–83.

REFERENCES

1. Blok L. D. Klassicheskiy tanets. Istorija i sovremennost'. M.: Iskusstvo, 1987. 382 s.
2. Volkov O. V. Pogruzhenie vo t'mu. M.: Molodaja gvardija, 1989. 460 s.
3. Gertsman E. V. Antichnaja muzykal'naja pedagogika: Ucheb. posob. SPb.: SPbGUP, 1996. 96 s.
4. Krasnuhina E. K. Telesnye formy istorii // Arhetipy telesnosti (rossijskij i zapadnyj konteksty). SPb.: Izd-vo RHGA, 2014. S. 80–87.
5. Lugovaja E. K. Filosofija tantsa. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2008. 131 s.
6. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my. M.: «Ad Marginem», 1999. 480 s.
7. Hejzinga J. Homo ludens: V teni zavtrashnego dnja. M.: Progress, 1992. 459 s.
8. Burke P. The language of gesture in early modern Italy // A cultural history of gesture. From Antiquity to the present day. Polity press, Oxford, 1991. P. 71–83.